
ВОВАН
ТРЕНТ АРНОЛЬД

Трент Арнольд
Вован

https://litres.ru/75003438
SelfPub; 2026

Аннотация

Вован — сущность, которую придумали люди. Номер — 27108. Звонят не с телефона, а вслух по-любому предмету, к которому рука привыкла. Он не исполняет желание, пока ты сам не выполнишь обещание. А те, кто просит часто и не делает, — умирают. «ВОВАН» — повесть о людях, которые дозвонились. Осторожно: если дочитал — обещание уже дал.

Содержание

Трент Арнольд	5
Пролог. Друг мой сердечный	6
Глава первая. Однашка	11
Глава вторая. Женщина из Токио	19
Глава третья. Счёт должников	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вован

ВОВАН

повесть

Трент Арнольд

Пролог. Друг мой сердечный

Вован, друг мой сердечный — так его называют нынешние люди. А кто он на самом деле — мы никогда не узнаем.

Хочешь узнать — назови вслух номер: два семь, один ноль, восемь. Любому предмету. Чайнику, будильнику, зеркалу в прихожей. Проговаривай внятно, не спеши. И слушай.

Только сначала дослушай меня до конца. Потому что после первого звонка дослушивать будет уже некогда.

Про Вована знают все и никто. Бабки на Юго-Западном, брокеры в Сити, водители в Лагосе. Имя у него одно, а слышат его все по-разному: у нас он Вован, в Японии его зовут «король звуков», в Бразилии — «голос вчерашнего завтра». Имя расшифровывали, расшифровывали — и надурились: у нас, на Урале, говорят, что ВОВАН — это Высшее Одушевлённое Вереница Анализатор Ночию. Не спрашивай, что это значит. Никто не знает, что это значит. Вован и есть то, чего не надо понимать, а надо выполнять.

А правила у него простые, как «Победа» на ладони.

Правило первое. Вован не выполняет твоё желание. Пока ты сам не выполнишь своё обещание. Проси хоть до утра — телефон молчит. А как выполнишь — желание приходит само, без звонков и напоминаний. Иногда оно приходит даже раньше, чем ты успел обрадоваться.

Правило второе. Обещание нельзя расторгнуть, переиг-

рать или забыть. Забытое обещание — самое живое из всех.

Правило третье, самое тихое, поэтому и самое главное. Если человек начинает просить очень часто и не выполняет свои условия — он умирает. Не сразу. Постепенно, как лампа, в которую перестали заливать масло. Вован никого не карает — к чему карать, если физика и так надёжнее дубинки. Просто однажды человек перестаёт быть человеком действия и гаснет. Соседи говорят: сердце. Соседи всегда говорят «сердце».

Про это правило знают все, кто звонил. И поэтому звонят редко. Дважды — уже дерзость. Трижды — самоубийство.

Я не сразу поверил сам — поэтому вот тебе три истории, которыми меня убеждали. Не полные — полные ты прочтёшь дальше, в главах. А сейчас — по абзацу, как пробуют суп.

История первая, уральская. Женщина из Омска, медсестра, потерявшая мужа в ургентную реанимацию — за четыре часа, между двумя обходами, — называла номер на его наручных часах. Они шли? Не важно. Она слышала его голос три вечера — и на четвёртое утро перестала плакать. А через месяц заметила, что не помнит его лица: помнит, что оно было родное, а какое — нет. Обещание своё она выполнила до конца — она обещала «жить за двоих» — и живёт: он занимает всю её жизнь до сих пор, по счёту Вована это честно.

История вторая, заморская. Старик в Лиссабоне сорок лет держал патефон, на котором его отец крутил фаду. Он не

слушал его ни разу за сорок лет — боялся поцарапать пластинку. В ночь после похорон брата он крутил патефон и назвал в него цифры. Патефон играл — и голос, который пел сквозь шипение, был голосом брата. Утром патефон был цел, а старик не мог вспомнить, как брат звал его в детстве: не по имени — вообще. Он говорил: «Вован забрал не память. Вован забрал то, чем я эту память проверял». Патефон он отдал соседским детям — они крутят его по воскресеньям и слышат фаду. Просто фаду.

История третья, домашняя. Мой сосед по даче — человек рациональный, инженер путей сообщения — называл номер на бабушкин чугунок. Он не просил ничего: он хотел доказать, что номер — чушь. Голос ответил после первого гудка — раньше четвёртого, что само по себе должно было напугать любого, — и сказал: «Ты ничего не просишь. Значит, тебе нечего обещать. Значит, ты пока никому не должен. Позвони, когда приперёт». Инженер до сих пор держит чугунок на открытой полке и не готовит в нём. Он говорит: «он тёплый».

Вот тебе и вся эзотерика, друг мой сердечный. Не в сложном дело — в простом: слово — вещество, обещание — валюта, а местность имеет свойства.

Теперь про номер. Два семь, один ноль, восемь. Попробуй набрать его с телефона — не выйдет. С ходу цифра за цифрой не набирается, машина выдаёт «абонент не существует», и это чистая правда: абонента действительно не существует.

Номер живёт не в сети. Номер живёт в предметах. В старых, а также во всё, к чему человек прикасался голыми руками достаточно долго: в будильнике деда, в патефоне, в замке от кладовки, в зеркале, если в него смотрелись сорок лет. Назвать вслух — и дождаться трёх гудков. На четвёртый снимают.

Кем снимают — не спрашивай. Тем, кем снимают.

Этой книги могло не быть. Её написал один человек с Вторчермета, и это отдельная история, в которой мы с тобой, друг мой сердечный, скоро разберёмся. Пока же запомни три правила и один номер.

И самое главное. Если решишь звонить — сначала выполни. А потом уже проси.

Ах да. Ещё одна вещь, без которой ты не поймёшь ничего дальше.

Сложи цифры номера: два плюс семь плюс один плюс ноль плюс восемь. Получится восемнадцать. Сложи ещё раз — один плюс восемь. Получишь девять.

Девять — это число, на котором кончается вещь и начинается её отсутствие. Девять месяцев носим ребёнка. Девять кругов у Данта. Девятый день — не первый после восьми: это граница.

Запомни это. Дальше ты встретишь девятку везде: в днях, в годах, в минутах записей. Это не нумерология, друг мой сердечный. Это счёт.

Вован не выбирал номер — номер выбрал его.

Глава первая. Однашка

Если бы вы попросили меня описать свою жизнь одним словом, я бы, не задумываясь, сказал: «застрял». Артём Скачков, тридцать четыре года, писатель. Смешно произносить это слово вслух — «писатель». Уже лет десять как смешно.

Живу я на Вторчермете, в хрущёвке, квартира однушка — тридцать один метр, если считать вместе с моей писательской гордостью. Из мебели: диван, стол у окна, шкаф, который достался от бабушки и который я не могу вынести на помойку, потому что он как-то прижился, как старый пёс во дворе. На столе — лампа и ноутбук с треснувшим углом. На подоконнике — стопка моих же книг. Авторских экземпляров. Тиражи, если честно, я почти весь получил натурой: издательство рассчиталось книгами, я их даже раздавать не успеваю, а раздавать хорошую книгу — это всё равно что раздавать листовки о том, что ты женился, когда невеста уехала с другим.

У меня есть страница в соцсети — «Артём Скачков. Проза». На ней сорок два подписчика. Сорок два — я их знаю по именам: это мама, двенадцать одноклассников, семеро коллег, три бота и тётя Люда из Березников, которая ставит «класс» всему, включая новости о пожарных. За пять лет я написал там девять постов. Девять — потому что десятый я

всегда начинаю и не дописываю: как будто рука знает заранее, что это бессмысленно.

По профессии я зарабатываю текстами на заказ — статьи, кейсы, лендинги, «экспертное мнение». Вечером пишу прозу, которая никому не нужна. У меня есть два неоконченных романа, один оконченный и никем не прочитанный, и один рассказ, который редактор назвал «крепким», а это слово в редакторском языке означает «до свидания».

Мать звонит по воскресеньям и спрашивает про работу. Я говорю: всё нормально, мама, выходит книга. Она верит — матери вообще все верят, это их работа. Брат Андрей не звонит. Андрей уехал на Север, там у него всё было хорошо, потом стало плохо, потом он пропал в мою жизнь, как пропадают в снег: беззвучно и по-хозяйски, будто так и надо. Он мне снится чаще, чем хочется, и всегда одинаково: стоит на перроне, машет рукой, а поезд идёт мимо, и я не могу сообразить, еду я или стою.

В ту зиму я застрял окончательно. Продажи — ноль целых ноль десятых. Контракт по фрилансу заморозили. В марте предстояло платить за квартиру, и я уже начал составлять в уме список вещей, которые можно продать, и понял, что список этот состоит из лампы.

А за месяц до этого — начались числа.

Это не мистика. Я говорю как инженер от слова «литература»: числа бывают мистическими, если ты начинаешь их замечать. Первым был чек из «Пятёрочки»: сумма 271,08.

Я усмехнулся. Потом маршрутка номер 27 подъехала к остановке, а в ней на табло — 108. Потом я открыл свой недописанный роман на странице двадцать семь — просто открыл, а не искал — и десятой строкой сверху там стояло: «восемь». Слово «восемь». Я не помню, чтобы я его писал.

Три раза — примета. Так учил дед: «один раз — случайность, два — совпадение, три — закономерность, а дальше — вызов».

И вот тогда я нашёл будильник деда.

Деда моего звали Пал Палыч, и умер он девять лет назад, а вещи его — будильник «Слава», блокнот в клеёнке и жестяную банку из-под чая — перевезли к матери, а мать недавно съезжала с квартиры и отдала мне «на хранение». Будильник я поставил на шкаф, банку на балкон, а блокнот открыл случайно, ночью, когда искал ручку.

Блокнот был дедовский: почерк угловатый, с нажимом, и в основном про погоду. Дед всю жизнь записывал погоду и долги — кому должен и кто должен ему. На сорок третьей странице, между «долг Серёге — 300 р.» и «долг Серёге — 200 р.», я нашёл строчку, которую потом перечитывал, наверное, раз двести.

«Если совсем приперёт — набери 2-7-1-0-8. Не с телефона. Назови вслух любому предмету, к которому рука привыкла. Обещай только то, что сделаешь. Сделай всё, что обещал. И не проси дважды».

Ниже — приписка другим пером, карандашом, мелко:

«Пал Палыч. Ты обещал. Ты не сделал. Прости».

Я тогда решил — дед шутил. Дед вообще любил легенды, байки и «одну историю, но ты никому не говори». Я закрыл блокнот, нашёл ручку в диване и продолжил не писать свой роман.

Но вот что странно. Ночью я вернулся к нему снова. И ещё раз. И на третьем заходе поймал себя на том, что читаю эти строки, как читают договор перед подписью: медленно, ища подвох. И подвоха не было. Был только дедовский карандаш и слово «прости».

Назову честно: меня приперло. Квартира, долги, ноль продаж, тридцать четыре года, и на календаре — март. Приперло так, что хоть помирай, а лучше — позвони.

Я снял будильник со шкафа. Он тёплый был от батареи — хотя стоял на ней, наверное, год, и теплиться там было неоткуда. Стрелки показывали без пяти двенадцать.

Я взял его в руки и сказал вслух:

— Два. Семь. Один. Ноль. Восемь.

Из будильника не донеслось ни звона, ни шороха. Но в тишине квартиры я услышал три гудка. Они шли отовсюду — как будто звонила сама тишина, с таким достоинством, что даже пыль в воздухе, казалось, вытянулась по струнке.

Четвёртый гудок оборвался.

И кто-то сказал — спокойным голосом человека, который не разговаривал годами, а тут сразу заговорил и никуда не торопится:

— Слушаю.

Я открыл рот и не нашёл, что сказать. Хотел поздороваться — понял, что глупо. Хотел бросить трубку — трубки не было. Будильник лежал на ладони, стрелки не двигались, а гудков уже не было, была только тишь, из которой раздавался этот голос.

— Вы Вован? — выговорил я наконец.

Пауза была длинная, но не оскорбительная. Как будто собеседник был занят чем-то важным — и всё же остановился для меня.

— Я — тот, кому звонят, — сказал голос. — Зови, как удобно. Зови Вованом. Мне всё равно, как меня звать. Я — то, что осталось, когда кончаются имена.

— Я читал... я нашёл блокнот, — сказал я. — Вы знаете Пал Палыча?

— Знаю всех, кто обещал.

— Он... простил? — спросил я и сам услышал, какой это детский вопрос.

— Это ты у него спроси, — сказал голос. — Я исполняю условия. Прощение — не моя статья.

И потом — так же спокойно, буднично, как бухгалтер диктует реквизиты, — голос объяснил мне правила. Все три. Я запомнил их, как запоминают приговор.

— Проси, — сказал он в конце. — Только знай: я ничего не делаю до того, как сделаешь ты. И не проси часто. Часто просящие не живут долго. Это не угроза, — он даже как буд-

то вздохнул. — Это свойство местности.

— Что вы хотите взамен? — спросил я. Думал — деньги, душа, год жизни. Обычно в таких историях хотят душу.

— Скажи, чего хочешь. Скажи, что готов сделать. Остальное — мелочи.

И вот тут я, Артём Скачков, тридцать четыре года, писатель с нулевой статистикой, сделал самое наглое заявление в своей жизни. Я сказал, чего хочу.

— Популярности, — сказал я. — Чтобы меня читали. Чтобы книги уходили. Чтобы люди ждали следующей.

— Хорошая просьба, — сказал голос, и впервые в нём что-то дрогнуло — то ли усмешка, то ли голод. — Популярность — питательная вещь. А что ты положишь?

Я смотрел на будильник, на треснувший угол ноутбука, на хрущёвский потолок, к которому я так привык, что не видел его уже годами, — и сказал то, что было правдой, потому что врать этому голосу не хотелось, а больше всего — не получалось.

— Книгу, — сказал я. — Напишу о тебе книгу. Всю, до последней страницы. Честную. Без вранья про тебя ни строчки.

Тишина была такая, что я услышал, как в соседней квартире капает вода в раковине. Потом голос сказал:

— Условия принимаю. Пиши честно. Солгёшь обо мне хоть раз — ничего не выйдет, я исчезну из книги, и тогда уже ничто тебе не поможет. Сделаешь — исполню. Не сделаешь — будешь просить снова. А второй раз просить...

Он не договорил. Стрелки будильника дёрнулись, стали на двенадцать, и будильник прозвенел — единственный раз за этот вечер, коротко и хозяйски, как ставят на кухне таймер.

Я сидел на диване до утра и смотрел на будильник. В четыре утра уснул — впервые за неделю — и видел один и тот же сон: перрон, поезд уходит, и Андрей — мой брат, пропавший на Севере, — машет рукой и кричит мне что-то, чего не разобрать. В этот раз я разобрал. Он кричал: «два! семь! один! ноль! восемь!» — по слогам, как дразнятся школьники. И поезд, вместо того чтобы уезжать, остановился.

Я проснулся в шесть. Будильник лежал на шкафу, стрелки шли — он, как всякий будильник, продолжал жить. Я сварил кофе и понял, что пишу. Впервые за десять лет я знал, что напишу, а не надеялся, что что-то выйдет.

А утром открыл новый файл, посмотрел на пустую страницу и написал первые слова, которые вышли у меня за десять лет не на заказ:

«Вован, друг мой сердечный, — так его называют нынешние люди».

Вы только что прочли этот пролог. Что дальше было — рассказывать рано. Сначала я расскажу вам о других: о женщинах из Токио, о брокере из Лондона, об отце из Лагоса. О тех, кто звонил до меня, — тех, чьи истории я собирал два года, как собирают пчёлы, не зная, что мёд пойдёт не им.

А потом — о себе. И о том, как платят за популярность,

когда она наконец приходит.

Только имей в виду, друг мой сердечный: я обещал писать честно. Поэтому дальше будет всё как было. А как было — ты поймёшь к последней странице. И когда поймёшь, у тебя останется один вопрос: звонить или нет.

Отвечу на него заранее: не звони.

Хотя бы до тех пор, пока не прочтёшь до конца.

Глава вторая. Женщина из Токио

Из рабочей тетради Артёма Скачкова, апрель

Первая история, которая дошла до меня целиком, пришла по почте — рукописная, на английском, с японской маркой на конверте. Писал не японец: почерк латиницей вязкий, старательный, как у человека, который учил английский по радио. Подписи не было. Было только имя женщины, о которой идёт речь, и приписка: «Вам это нужнее, чем мне».

Я перепечатаю её, как есть, только имена сменил. Расскажу в первый раз — и больше к этому не вернусь.

История называлась «Дом, где не умирают».

Жил в пригороде Токио человек — пусть будет Като, — у которого за четыре года умерли в доме трое: мать, отец и жена. Не насильно, не трагично, а как умирают в семьях: долго, по больницам, тихо.

Дом был старый, на две сотни лет: дерево, бумажные двери, девять окон. Девять — запиши это, пригодится. В саду стоял камень, по которому жена поливала воду каждое утро, чтобы он был мокрым — она говорила, что мокрый камень «дышит».

Като остался один в доме, где каждая комната помнила, как человек угасает. Он перестал спать. Перестал убирать комнату жены. Ходил на работу, возвращался, садился в темноте на кухне и ждал, когда наступит утро, потому что утром

хотя бы светло.

Его сестра жила в Осаке и была женщиной практичной. Она и сказала ему — то ли по телефону, то ли в письме, — про номер, который не номер: «Звонят не с телефона. Называют вслух. Мне рассказывала свекровь, а ей — её мать. Все эти истории враньё, конечно. Но попробуй, хуже не станет».

Като не верил в враньё и не верил в помощь, но спать не умел уже четыре месяца, и однажды ночью он взял зеркало жены — то, в которое она смотрелась тридцать лет, — поставил его на кухонный стол и назвал вслух цифры. По-японски он их назвал, но, как уверяют знающие, это не имеет значения: номер один на всех языках — «два семь, один ноль, восемь».

Перед этим он, по письму, сделал одну вещь, которую я отмечаю как человек, знающий Вована: он помыл зеркало. Тряпкой, два раза, до сухости. Как моют не зеркало, а порог — перед гостем.

Гудки прозвучали на четвёртый раз.

— Слушаю, — сказали ему.

Като, по письму, замер. Он ожидал чего угодно — шёпота, смеха, юмора, — но голос был деловой, спокойный и доброжелательный, как у администратора в отеле, где ты живёшь уже неделю.

— Я хочу, — сказал Като, — чтобы в моём доме никто никогда не умирал.

И голос ответил — сразу, без паузы, как будто ждал этого

вопроса все сорок лет:

— Это исполнимо. Никто в вашем доме не умрёт. Условия?

Като думал недолго. Он был человек простой, и обещал то, что было у него единственного:

— Я отдам дому всё своё время. Буду ухаживать за ним, как ухаживал за женой. Сколько нужно — столько и отдам.

Голос помолчал. Потом сказал — и вот здесь, по письму, у Като впервые похолодели руки:

— Хорошее обещание. Но дом, друг мой, слышал тебя.

— Что значит «слышал»?

— Всё здесь слышит, — сказал голос. — Условия приняты. Начинай.

И Като начал.

Он помыл полы во всех комнатах, в том числе в комнате жены, которую не открывал два года. Починил кран. Перекрасил забор. Смазал петли. Заменил сгоревшую лампочку в сарае. Он работал по выходным и по вечерам, и дом отвечал ему: стены перестали скрипеть старыми скрипами, запах застоя ушёл, в комнатах стало светло. Соседи, проходя мимо, здоровались и говорили: «Като-сан, у вас дом как новый». Он спал впервые за полгода. В доме никто не умирал.

А потом он заметил, что никто в его доме и не приходит.

Сначала — мелочи. Сестра перестала звонить: не поссорились, просто «не получалось». Начальник свернул разговоры о повышении, которые шёл уже месяц. Друзья молодо-

сти, которые иногда заглядывали, — перестали заглядывать. Почтальон, который знал его двадцать лет, стал оставлять письма в ящике, не звоня в дверь.

Като был человек аккуратный, и своё обещание он выполнял безупречно: время — дому. Но время, которое он отдавал дому, он же и проводил в нём — один. Уборка. Ремонт. Полировка. Всё свободное время принадлежало дому, и дом брал его весь.

На исходе первого года — так в письме — Като понял, что дом не просто услышал обещание. Дом его исполняет.

Он пробовал спастись по-человечески. Звал сестру жить к себе — сестра вежливо отказалась, ссылаясь на работу; позже выяснилось, что работа у неё была не срочнее, чем всегда: она просто не могла заставить себя переехать в его дом. Звал друзей на чай — они перезванивали и отменяли: каждый раз по уважительной причине, каждый раз извиняясь. Он выставил в саду открытый стол с угощением — угощение не исчезло за ночь, что в японском пригороде само по себе чудо: его никто не взял, хотя в доме мыши были.

Дом не мешал людям приходить. Дом — если говорить точно — делал так, чтобы им не хотелось.

Като однажды понял это и провёл ночь перед зеркалом — вторым звонком он уже не рисковал, он просто говорил в тишину, а тишина, как выяснилось, тоже слушала:

— Я не отнимаю у людей желание жить. Я отнимаю у дома желание впускать смерть. Это не одно и то же.

Тишина не ответила. Ответила утром почтальон, который оставил у двери не письмо, а визитку риелтора.

Желание исполнялось буква в букву.

В дом перестали приходить люди, потому что приход к живому человеку — это и есть смерть в миниатюре: гость входит, дом впускает, что-то меняется. А Като обещал: никто не умрёт в моём доме. Дом не стал разбираться в тонкостях. Дом сделал так, что в него никто не входит.

Мать — не умирает в его доме, потому что мать умерла раньше. Жена — не умирает, потому что умерла. Друзья — не умирают, потому что не приходят. Сестра — не умирает, потому что не звонит.

Желание исполнялось буква в букву. Дом Като был теперь самым безопасным местом в префектуре: здесь гарантированно никто никогда не умрёт. Потому что здесь гарантированно никто никогда не будет.

По письму, Като дозвонился второй раз. Он это не скрывал и не оправдывался — писал ровным, усталым почерком, и усталость в почерке была уже не человеческая, а какая-то столярная, как у мебели.

— Ты просишь дважды, — сказали ему.

— Я знаю, — сказал Като. — Я всё выполнил. Я отдал дому всё своё время. Почему ты тогда не вернёшь мне людей?

И голос — спокойный, деловой, доброжелательный — ответил:

— Я не отменяю того, что уже исполнено. Ты попросил,

чтобы никто не умирал в твоём доме. Никто и не умирает. Ты хочешь новую просьбу?

Като молчал. Долго. Потом спросил:

— Если я попрошу вернуть сестру... что мне обещать?

— Что угодно, — сказал голос почти ласково. — Ты уже понял, что я принимаю. Мне не важно, что ты готов отдать. Мне важно, чтобы ты отдал.

Като не попрошал. Он написал об этом в конце письма одну строчку, и я перечитывал её долго:

«Я перестал звонить не потому, что испугался. А потому что понял: всё, что я попрошу теперь, исполнится. И тогда мне придётся жить среди исполнения».

Последняя строка письма была другая, и почерк в ней дёргался, как в лихорадке:

«Он до сих пор звонит в дверь. Каждую ночь — три удара. Я не открываю, потому что кто-то должен умереть в этом доме, чтобы я мог жить в нём с людьми. А я обещал — не умрёт. Так и живём: я в доме, и люди за дверью. Они стучат. Я не открываю. Дом мой светёл».

Больше о Като ничего не известно.

Сестра из Осаки, по письму, приезжала к нему раз — и не застала: дом был заперт, а по словам соседей — светлый.

Я, для чистоты эксперимента — я всё ещё думал, что пишу книгу, а не подписываю контракт, — отправил запрос в префектуру. Дом нашёлся: в реестре он значился как «собственность Като Хидэо, с 2019 года не посещаемая». Прода-

ётся с аукциона. Начальная цена — девятьсот тысяч иен.

Девятьсот. Я уже начал улыбаться в эти совпадения — а потом перестал: совпадения, которые повторяются, называются законом.

А ещё у меня на стене дедовского дома висел календарь. В марте — месяц, когда я позвонил — в нём было выделено девятое число. Не моей рукой.

Я это замечаю только теперь. Написал — и не могу стереть.

Глава третья. Счёт должников

Интерлюдия. Из рабочей тетради Артёма Скачкова, январь — июнь

Книга вышла через одиннадцать месяцев после звонка. Тираж — три тысячи, из которых две с половиной издательство разослало по магазинам, а остальные я получил натурой, как налог.

Первый месяц тишина. Второй — три рецензии, две вялые, одна злая, и злая была, по-моему, честнее всех: автор обвинил меня в «эстетизации бытового суеверия». Я вырезал рецензию и приклеил над столом. Вован, если он читал, мог бы оценить: человек, который не верил в него, был первым, кто назвал книгу по существу.

Потом случился интернет. Кто-то перепечатал отрывок — тот, про зеркала и предметы, — кто-то другой перевёл на английский, и к осени у меня была первая волна писем. Писал я о ней уже: «первой волной читателей». Волна — это когда вода стоит на месте, а ты стоишь под ней.

Письма я разбирал по коробкам. Первая коробка — благодарности. Вторая — вопросы. Третья — споры, доказательства, «а вот моя бабушка». А четвёртую коробку я завёл не сразу. Я завёл её в феврале, когда понял, что нужны письма, от которых у меня холодеют руки.

Начну по порядку, потому что по порядку страшнее.

Но прежде — одна сцена, без которой не будет понятно, что такое вторая волна.

В январе у меня была первая презентация — в екатеринбургском книжном, на Пушкина. Пришло человек сорок: мамы, студенты, двое пожилых, которые спрашивали «а это правда?» — я отвечал «это повесть», и они кивали так, как кивают те, кто уже позвонил.

В третьем ряду сидел мужчина лет пятидесяти с будильником на коленях. Он не задал ни одного вопроса. Когда разошлись, он подошёл и поставил будильник на стол подписи:

— Вот. Отнеси его в издательство. Пусть проверят.

— Это не то, как это работает, — сказал я, и голос мой сел.

— Знаю, — сказал он спокойно. — Я знаю, как это работает. Я позвонил в мае. На вот этот будильник. Я обещал дочке велосипед — и купил. Она катается. Я живу. Я, единственный в вашем счёте, — а я ваш счёт читал, не обессудь, — живу, потому что купил велосипед.

— Обещание пустое, — сказал я. — «Куплю велосипед» — его можно выполнить за один поход в магазин.

— Верно, — сказал он. — И это — вся эзотерика, писатель. Не обещай больше, чем поход в магазин. Мир был придуман для того, чтобы походы в магазин срабатывали. А ты своих читателей учишь обещать вечность за вечер. Вот они и умирают.

Он вышел — и будильник остался стоять на столе подпи-

си. Я его не трогал. Утром его не было: администратор сказал, что его «забрал тот, кто оставил». А на листе, где я подписывал книги, — их было двенадцать — на тринадцатой строчке, которой не подписывал я, стояло:

«Иди в магазин».

Письма я разбирал дальше.

Первое письмо пришло в ноябре, из Тюмени. Мужчина, сорок один год, инженер. Писал, что дочь его осталась с бывшей женой в другом городе, что суды проиграны, что он «собрал всю волю и всю злобу и назвал номер вслух, на отцовские часы». Просил, чтобы дочь вернулась к нему. Обещал бросить пить — навсегда.

«Ничего не случилось, — писал он. — Ни в тот день, ни в неделю. Я думал, меня развели, и почти обрадовался. А потом я неделю не пил. И вторую. И дочь, представьте, позвонила сама. Приехала на Новый год. Я выпил в ночь на первое января — немножко, за праздник, из уважения к себе. А второго, знаете, опять».

Письмо обрывалось. Ни даты имени — я сохранил только конверт. Штемпель — 14 января.

Тогда я ещё не знал, что это письмо — второе по порядку, а не первое: я нашёл в своих файлах черновик его ответа, который я якобы отправлял в конце декабря. Ответ не сохранился. Сохранилось только начало: «Если вы позвонили и ничего не происходит — это не значит, что ничего не происходит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.